

О.И. Сенковский

**Собрание сочинений
Сенковского (Барона
Брамбеуса)**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-11

О-11 **О.И. Сенковский**
Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса): Том 2 / О.И. Сенковский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 510 с.

ISBN 978-5-517-97649-9

ISBN 978-5-517-97649-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ФАНТАСТИЧЕСКІЯ ПУТЕШЕСТВІЯ

БАРОНА БРАМБЕУСА.

A chaque baron sa fantaisie.

У всякаго барона своя фантазія.

Старая шутка.

(1833.)

СОДЕРЖАНИЕ.

- I. Осенняя скука.
 - II. Поэтическое путешествие по бѣлу-свѣту.
 - III. Ученое путешествие на Медвѣжій Островъ.
 - IV. Сентиментальное путешествие на гору Эту.
-

ОСЕННЯЯ СЖУКА.

Любезный доктор! я принимаю ваше лекарство, но оно не производит никакого действия. Я все страдаю сплиномъ, который, при этой ужасной погодѣ, еще усиливается. Нельзя ли прописать мнѣ чего-нибудь другаго, немножко покрѣпче? Мнѣ кажется, что еслибъ я прорѣзалъ себѣ горло перочиннымъ ножичкомъ, то два черезъ два былъ бы совершенно здоровъ и веселъ?...

Вашъ преданный,

Лордъ Кастлри.

Life and Corresp. of Mar. Londonderry.

Темно! сыро!... На дворѣ дождь. Посмотрите, что за воздухъ! Возможно ли человѣку жить въ такомъ тяжеломъ, грязномъ растворѣ мрака и болотной воды? Посмотрите на общество, отсырѣвшее отъ ненастнаго лѣта и осеннихъ тумановъ, подернутое мглюю дремоты, томное, блѣдное, унылое; исхудавшее отъ безпорочности по службѣ, отъ неурожая по деревнямъ и отъ засухи, посто-

явно господствующей въ словесности; ищущее для себя пищи по страницамъ вышедшихъ въ теченіе года книгъ, и, ища, зѣвующее надъ страницами, и, зѣвая, раскрывающее ротъ такъ широко, что когда-нибудь на-дняхъ, — увидите! — оно втянетъ въ горло и проглотитъ не только тощую нашу за весь годъ словесность и почтенныхъ словесниковъ, но и великолѣпное объявленіе А. Ф. Смирдина о новомъ журналѣ, съ полнымъ спискомъ нашихъ литературныхъ знаменитостей, съ нашими самолюбіями и своими надеждами. Я весь дрожу при видѣ этого воздуха и этого опаснаго расположенія общества къ судорожному зѣванію, — дрожу, и самъ зѣваю, по его примѣру. И долго ли будемъ мы такъ зѣвать на свѣтѣ?... Не понимаю, кому еще охота добровольно душиться въ такой убійственной атмосферѣ нравственной и физической скуки. Я, по-крайней-мѣрѣ, не хочу быть долѣе свидѣтелемъ этой умственной распутицы, по которой понятія наши тащутся такъ медленно и съ такимъ трудомъ; гдѣ они безпрестанно вязнутъ въ черныхъ, широкихъ, 4-частныхъ лужахъ безвкусія; гдѣ того и гляди, что ихъ затопчетъ въ грязь мимоѣздомъ первый тяжелый статье-писатель, скачущій на перекладныхъ къ литературной славѣ. Но и вы, храбрые читатели всего печатнаго, я думаю, тоже наскучили подобнымъ существованіемъ. Право, оно нестерпимо!... Такъ знаете ли, что я вамъ скажу? Я увѣренъ, что вы съ восхищеніемъ примете мое предложеніе. Пойдемъ, и бросимся въ Неву!... Бросимся скорѣе, пока она еще не замерзла!

Въ-самомъ-дѣлѣ, зачѣмъ намъ жить на свѣтѣ? Погода ужасна, усы наши обвисли, газеты безъ новостей, черные галстуки угрожаютъ паденіемъ и могутъ увлечь круглыя бакенбарды въ общую развалину, театры представляютъ однѣ только картины и фантазіи, картины почти ничего не представляютъ, въ словесности не знаешь куда дѣваться отъ предисловіи, въ гостиныхъ отъ лотерейныхъ билетовъ, у себя дома отъ безвременныхъ гостей и историческихъ романовъ, на улицѣ отъ успѣховъ промышленности. Рѣка цѣлую недѣлю несетъ ледъ; проза круглый годъ несетъ вздоръ; у насъ, на Руси, лучшія ея страницы засыпаны толстымъ слоемъ острыхъ, шероховатыхъ, засаженныхъ мѣстоименій *сей* и *оний*, которыхъ, по прочтеніи, не смѣете вы даже произнести въ честной компаніи; которыми напередъ израните себѣ до крови языкъ и руки, пока сквозь нихъ доберетесь до изящнаго. Развѣ это жизнь?... Лучше пойдѣмъ въ Неву! Утонемъ всѣ вмѣстѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ будетъ конецъ этой скукѣ.

А ежели вы не хотите, я пойду одинъ. Пойду!... Глядите жъ и удивляйтесь моей рѣшимости. Когда меня не станеть, скажите моимъ знакомцамъ, что я утонулъ съ уныніа, съ отчаяніа: потому, что на свѣтѣ и въ словесности въ нынѣшнемъ году было очень скучно; потому, что русская изящная словесность XIX столѣтія не хотѣла говорить русскимъ языкомъ XIX вѣка; что она тайно покупала у повытчиковъ въ числѣ прочаго казенныя мѣстоименія *сей* и *оний*, топила ими свои произведе-нія какъ собственными дровами, и безвкусно ис-

пещрыла всѣ свои строки; что она никакъ не соглашалась стряхнуть съ себя пыль канцелярскихъ формъ, описывала даже любовь и ея прелести слогомъ думнаго дьяка Власа Аѳонасьева, и заставляла меня, злополучнаго, думать на одномъ языкѣ, на томъ, которымъ говорю я съ порядочными людьми, а писать на другомъ, которымъ не говорить никто на земномъ шарѣ. Скажите имъ чистосердечно — зачѣмъ скрывать истину? — что однажды, въ глубокую осень, въ сырую погоду, когда темный и печальный воздухъ обыкновенно наводитъ на людей меланхолю, я страдалъ сплинномъ, и какъ-то пожелалъ сдѣлаться сочинителемъ; сѣлъ писать — не забудьте прибавить, въ изящной прозѣ — задумалъ первую фразу, которая въ моей мысли начиналась словами—*Этотъ дуракъ...* и, бывъ принужденъ, написать вопреки моей совѣсти и моему слуху, *сей дуракъ* или *оный дуракъ*, побѣжалъ къ Невѣ, и кинулся въ воду. Скажите имъ все это, и прощайте.

Прощайте навсегда!... Черезъ полчаса, не далѣе, я безвозвратно расстанусь съ этимъ коварнымъ и двуличнымъ свѣтомъ, и переселюсь въ лучший міръ, туда, гдѣ пишутъ тѣми же словами, которыми говорятъ. Прощайте! Иду!...

Куда?... Зачѣмъ?... Не сумасшедшій ли я? Лишать себя жизни изъ-за канцелярскихъ мѣстоименій!... Я былъ бы настоящій *сей*, *оный*, *таковой*, и даже *упомянутый дуракъ*, еслибъ сгубилъ свою душу изъ-за такой ничтожной причины. Нужно имѣть нѣсколько философіи. Я могу вооружиться ею и благородно, великодушно презрѣть подоб-

ныя мѣстоименія, какъ Александръ Великій презрѣлъ наглость Скиѳовъ. Да!... конечно: я ихъ презираю. Что они мнѣ сдѣлаютъ? Буду на зло имъ жить на свѣтѣ; жить нарочно для того, чтобъ огорчать ихъ моею къ нимъ холодною, чтобъ бѣсить ихъ, чтобъ ихъ самихъ привести въ отчаяніе и заставить, подобно тѣснямой дымомъ саранчѣ, сняться тучею съ поля словесности и опрокинуться въ Неву.

Какъ-будто не найду я средства пріятно провести дождливое время, не вдаваясь въ изящную прозу и въ авторство! Въмѣсто того, чтобъ бросаться въ рѣку, я опредѣлюсь въ судьи. Вы не можете себѣ представить, какъ привольно быть судьей въ дурную погоду. Правда, что судить о людяхъ и вещахъ весьма трудно: на то требуется много ума, познаній, опытности; но судить людей и вещи совсѣмъ другое дѣло — бездѣлица! Стоить только сѣсть и судить. И какъ мнѣ будетъ весело, когда сдѣлаюсь я судьей! Сяду въ кресла, за красный столъ, передъ зеркаломъ; сложу руки на груди, вытяну ноги, потуплю взоры и велю себѣ докладывать. Секретарь станетъ читать длинную записку; я стану спать. Онъ все будетъ читать, я все буду спать — спать сномъ сладкимъ, длиннымъ, предлиннымъ, безконечнымъ, какъ записка; проснусь только на минуту, чтобъ подписать опредѣленіе, и опять усну. Шумъ плещущихъ капель дождя и однообразное, заунывное жужжаніе секретарскаго чтенія доставятъ мнѣ роскошный, райскій сонъ. Такимъ образомъ буду я неутомимо присутствовать, исправно очищать дѣла и безпри-

страстно рѣшаютъ споры моихъ согражданъ, до первой санной дороги. Какое счастье! какое положеніе! — спать, и быть полезнымъ отечеству!! Иду непременно въ суды.

Не то, если не захотятъ опредѣлить меня въ члены хорошаго суда, съ хорошими, набитыми чесаною мочалкою креслами, я могу жениться. Оно почти то же: женитьба тѣмъ именно чрезвычайно похожа на судейскій санъ, что, какъ тамъ, такъ и тутъ, для исправнаго теченія дѣлъ надобно много спать. Я даже думаю, что сдѣлаю гораздо лучше, если женюсь. Какъ вы совѣтуете, господа жена-тые читатели всего печатнаго?... Мнѣ кажется, что еслибъ я приказалъ связать себя крѣпко-накрѣпко брачными узами и лежалъ на свѣтѣ счастливымъ полѣномъ, это было бы удобнѣе, чѣмъ быть съѣденнымъ щуками въ Невѣ или почивать на лонѣ правосудія. Но о Невѣ я уже не думаю: итакъ, слѣдуетъ только взвѣсить со вниманіемъ и сравнить безпристрастно выгоды судейства и супружества. Поставимъ, съ одной стороны, мягкія казенныя кресла краснаго дерева, Полное Собраніе Законовъ, длинную записку о дѣлѣ и благоухающаго утреннимъ пуншемъ секретаря, — съ другой, большое брачное ложе съ шелковыми занавѣсами и роскошною постелью, цѣлую бібліотеку печатныхъ правилъ и разсужденій о домашнемъ счастьи, длинный списокъ приданому, и бѣлую, розовую, молоденькую супругу съ нѣжными голубыми глазами, съ золотыми волосами, съ прелестною ручкою и сердцемъ, горящимъ любовію ярче кенкета, въ прозрачной какъ хрусталь груди.

Какъ вамъ угодно, — я почитаю правосудіе, но, въ этомъ случаѣ, не дожидаясь даже вашего мнѣнія, основаннаго на опытѣ, собственнымъ своимъ умомъ отдаю полное преимущество женитьбѣ; и, если ошибаюсь, то отвѣтъ за мною.

Слѣдственно, на нынѣшнюю осень, не хочу быть судьей: хочу быть супругомъ. И буду! Вотъ, пока дождь не перестанетъ, влюблюсь поскорѣе въ прекрасную, добродѣтельную, скромную дѣвицу, и торжественно вступлю съ нею въ бракъ. Какимъ небеснымъ счастьемъ буду я наслаждаться въ то время, какъ вы, не зная что дѣлать отъ скуки, длинно и печально будете раскладывать пасіансы! Увидите, какая будетъ у меня жена! — тихая, кроткая, послушная, какъ всѣ новобрачныя. Сверхъ того, она будетъ умна, чувствительна, весела, очаровательна. Маленькій ея ротикъ, двѣтушій тонкими пурпуровыми устами, озаренный улыбкою, какой вы еще ввѣкъ не видали — какую я только видѣлъ однажды въ моемъ воображеніи — будетъ нарочно созданъ для поцѣлуя и изящной прозы: онъ прекрасно будетъ говорить по-русски, и перескажетъ мнѣ со вкусомъ тѣ чувства, которыя сердце ея съ восторгомъ будетъ вырабатывать для моего благополунія; перескажетъ языкомъ свѣтлымъ, благозвучнымъ какъ майская пѣсня соловья; ротикъ чистый, свѣжій; сахарный, котораго никогда не оскверняли ни измѣна, ни подъяческія мѣстоименія; изъ котораго не услышу я ни *сей чепчикъ*, ни *оный поручикъ*; который скорѣе согласится говорить по-татарски, чѣмъ произнести отвратительныя для него слова *сей* и *оный* —

потому-что, извольте знать, моя жена будетъ превосходно воспитана и взята изъ хорошаго общества. Я буду съ ней совершенно счастливъ, не смотря на дурную погоду. Не забудьте, что вслѣдъ за свадьбою ожидаетъ меня медовой мѣсяцъ, который продолжается ровно четыре недѣли; мѣсяцъ восхищеній, клятвъ, вѣжливостей, неизъяснимаго согласія и непоколебимой вѣрности; мѣсяцъ, въ которомъ заключается краткое содержаніе всего, что только люди написали о любви и счастіи, съ перваго года отъ сотворенія свѣта по 1833 годъ включительно. На этомъ мѣсяцѣ я преимущественно основываю мои расчеты въ разсужденіи нынѣшней осени.... Но барометръ что-то стоитъ очень низко!... А если медовой мѣсяцъ кончится прежде дождя?... Ежели ненастье и скука будутъ продолжаться пять, шесть, семь, десять недѣль сряду?... И настанутъ обыкновенные дни супружества?... И мы какъ-нибудь поссоримся другъ съ другомъ? И я взбѣшусь, схвачу шляпу, и уйду на улицу? И дождь промочитъ меня всего? И я получу простуду? И мой сплинъ?...

Нѣтъ! Не хочу жениться! Это слишкомъ опасно въ такомъ измѣнническомъ климатѣ, какъ петербургскій.

Лучше куплю себѣ канарейку, и буду забавляться съ нею. Если увижу, что, для разсѣянія скуки, господствующей въ нынѣшнемъ году во всей Европѣ, одной канарейки мало, то куплю ихъ десять, пятьдесятъ, сто. Достану себѣ еще попу-гая и сороку, которые бы хорошо умѣли говорить, и смѣшили меня своимъ лепетаньемъ. А когда ну-